

по ступенькам жизни, тем ущербнее его влияние. Именно эта дурная воля подрывает и подтачивает демократию, именно она провела в жизнь идею тоталитарного государства. Но своего последнего слова эта лишенная святости воля еще не сказала.

Незаметно наша жизнь утрачивает священное. И процесс этот начинается с незначительных упущений и небрежений и заканчивается грандиозными кризисами и потрясениями. Первоисточником же этих опасностей является бездуховное воспитание детей.

СТАНЬ ЦЕЛЬНЫМ! ¹

И.А. Ильин

Расколотый изнутри человек – несчастен и остается таковым даже тогда, когда ему все удастся, когда исполняется его любое желание. Удача не радует его, потому что одна часть его существа не причастна этой радости. Исполнение желаний не приносит ему удовлетворения, потому что даже в желании своем он расколот, а значит, и удовлетворение его не может быть *цельным*. Никакое внешнее везенье не приносит ему блаженства. Никакой жизненный успех не дарует ему счастья покоя. Нет у него для всего этого внутреннего органа; и орган этот именуется *гармонией*, уравновешенной целокупностью влечений и способностей, *согласием* инстинкта и духа, веры и знания.

Расколотый изнутри человек – несчастен. Вечно недовольство – его удел; вечная и притом безнадежная погоня за новыми радостями – его предназначение. Разочарование подстерегает его на каждом шагу. Разочарованный, ищет он все новых, не испытанных, острых ощущений; измышляет неслыханные возможности; извращает свой вкус, обезображивает искусство и готов воззвать и перекрыть все бездны зла, чтобы добыть себе новую «усладу», испробовать новую, доселе небывалую утеху. Ему дано искать и рыться... Расколотый, *сам он не отважится на счастье*, как не узнает никогда и *блаженства*. Тому, кто упивается по частям, не светит упоение; расколотому человеку солнце не смеется...

Было бы крайне неверно толковать это вечное недовольство как признак утонченной и благородной природы, не способной довольствоваться «простыми земными радостями». Расколотое сознание – это не высшее достижение, к которому всеми силами надо стремиться; напротив, это – *болезнь духа*, которую надо преодолеть...

В XVIII и XIX веках люди имели мужество осознать этот унаследованный ими духовный раскол и громко, вслух, сказать о нем. Но это мужество породило в них самоуверенность, верховную гордыню и вызов, вследствие чего внутренний раскол стал выдаваться и приниматься за некое высокое достижение, за признак «сверхчеловека новой эпохи». Разногласия между верой и рассудком были налицо уже давно. Но теперь стала постепенно складываться *апология распада; неприкрытый бунт против Божественного; вошедшее в систему изгнание из жизни священного; решительный разрыв с христианством*. Глашатаем этого разрыва, в тонах ненависти и упоения, стал, в конечном счете, Ницше, а свое практическое воплощение и завершение он нашел в событиях последних десятилетий.

Расколотый духовно человек – несчастный человек. Воспринимая *истину*, он даже не может определить, истина это или нет, потому что не способен ухватить целостность очевидности. А если и шевельнется истина в его сознании, то чувство его молчит, и он не ощущает светоносности ее содержания. Он не умеет владеть своим достоянием, не умеет распоряжаться доставшимся ему богатством. Про свет он «знает» лишь то, что это – свет, но он не созерцает его как свет и не испытывает от него радости. Он вообще теряет веру в то, что может существовать тотальная очевидность. Не признает ее он и у других, встречая ее предположение не без сарказма; а чтобы придать вес этому сарказму, он выдвигает доктрину, согласно которой человек в принципе ничего достоверно знать не может (агностицизм), его удел – все относительно воспринимать и относительно же признавать (релятивизм). Отсюда возникает последовательно воспитуемое малокровие познания,

¹ Печатается по изданию: *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т.8. С.433-439.

принципиальное «ни да, ни нет», *бегство от очевидности*. Расколотый человек – это духовно обессиленный человек. Своих убеждений у него нет; в вопросах исповедания он немощен; в сфере истины он несостоятелен.

Примерно так обстоят у него дела и в других духовных сферах. Проблему *добра и зла*, например, он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном (утилитаризм) и решает этот вопрос, исходя из случайных, рассудочных соображений. А про себя он думает о том, что «умному человеку» вообще ни к чему заниматься этим вопросом.

В вопросах *Отечества, правосознания, справедливости* он стоит на той же «умной» точке зрения релятивизма; и стоит потому, что его любовь и правосознание расколоты и ослаблены точно так же, как и его очевидность.

С *религией* у него и подавно нет ничего общего, потому что она требует целостной очевидности сердца, не довольствуется никакими частичными «уступками» и «симпатиями». Религиозный человек всегда целостен; человек же расколотый или *нерелигиозен*, или *враждебен религии*.

Только *искусство* он приветствует, особенно если оно забывает о своем великом служении и идет по поводу у его прихотей. Тогда оно неизбежно отрекается от своей здоровой, глубоко укорененной цельности и становится раздробленным само: облекается в свой чувственно-заманчивый наряд; предается дурманящему душу «импрессионизму» или «футуризму»; становится внешне притязательным, надменным, рассчитанным на «нервную щекотку» – только бы не быть «отвергнутым».

В основе такой *выродившейся культуры* лежит *выродившееся бытие*, расколатая, дробная жизнь души, лишенная корней и избегающая всего совершенного. Всю свою жизнь балансирует расколотый человек на грани соображений пользы, которые он именуется «разумом», «разумным», и минутных прихотей, которые он не без удовольствия называет «настроением». Если ему удастся сохранить равновесие, его существование можно назвать вполне сносным; если не удастся – остается только посочувствовать ему. С

чего начать – он не знает, ибо более глубокие источники и настоящая святыня жизни – не для него. Отсюда и «*taedium vitae*» – тяготы жизни.

Даже если и любит, он не до конца уверен, что любит, потому что частична его любовь. А если не любит, то и нелюбовь его так же частична и немногого стоит. Его «да» – половинчатое «да», заигрывающее с «нет». А его «нет» столь же относительно, условно, преходяще и недостоверно. Его слова надо воспринимать чисто фонетически, потому что смысл их неоднозначен, а духовная ценность – величина ускользающая. В любой жизненной ситуации он может поступать «так», а может и «иначе»: в нем стержня нет, и связывать себя в нем нет охоты. В нем нет самой важной, самой драгоценной основы духовного характера – всеобъемлющего, единого, *единственного центра жизни*.

По-настоящему глубоко духовный характер подобен укрепленному городу, в центре которого высится крепость. Здесь стоит Божий храм с алтарем, на котором горит неугасимый огонь. Это – священный центр града; от его огня люди зажигают свои семейные очаги. Здесь собираются все до едина. Здесь принимаются важные решения; отсюда излучается все упорядочивающая воля, здесь концентрируется сила, здесь вооружается крепость.

Расколотый человек даже представить себе не может структуру такого личностного характера, такой жизненный ритм. Он находит удовольствие в своем собственном «множестве» изнутри, называя это свое состояние «высшей дифференциацией духа». В нем существуют как бы несколько центров одновременно; каждому из них он клянется в верности и воображает, что он выше всяких подозрений. Как только один из этих центров оказывается не совсем удобным или пошатнувшимся, он тут же «съезжает на другую квартиру, устраивается там поудобней и пребывает – ничем не связанный, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой. Об истинном своем положении и о своей великой беде он едва ли догадывается.

Этот раскол в современном человеке зародился в то время, когда он отринул авторитарную религию и предался свободе исследований

и свободе мысли. Свобода исследования, на первый взгляд, вроде бы вполне согласуется с христианской религией: ведь Богом было заведено человеку воспринимать Божественное откровение не только из Священного Писания и не только из духовных аспектов жизни – любви, совести, свободы духовного бытия, но и из созерцания всего существующего и заложенного в нем замысла Творца. Но – историческое развитие пошло в русле секуляризованного разлада: церковь не питала доверия к свободно исследующему человеку, а исследующий человек воспринимал оценку церкви как бремя. Он обратился с напряженным любопытством к природе, позабыв о *христианской любви*. Он ... за чувственным миром утратил способность к *христианскому созерцанию*. Он отряхнулся от религиозных предпосылок, как от чего-то эмпирически ненужного или даже как от своего рода помех, и сделал попытку все понять и все объяснить без Бога...

Так христианское *созерцание сердцем*, Боголюбивый и Боговысказующий созерцающий *разум* превратились со временем в отвлеченный рассудок, в сухую, наблюдающую и анализирующую мысль, в беспочвенную индукцию, лишенную созерцания и проникновенности. Испытанный на природе извне этот метод был затем перенесен на внутренний душевно-духовный мир; здесь применение его привело к необратимым результатам: внешние связи чувственного мира устанавливались и получали свою оценку. Скрупулезные наблюдения велись с точки зрения *техники* (а не собственно истину!). За этим ледяным поветрием механистичности мировоззрения утрачивались внутренние реальности духа и тончайшие связи человеческой души. Расколотый человек разбалтывал доктрину раскола применительно к внешнему миру и ронял остатки своей духовности в черством, лишенном созерцания самонаблюдении. Аналитический разум, беспочвенная и разнузданная воля и бездуховный инстинкт самосохранения – вот все, что ему оставалось. Все остальное подлежало осмеянию: вера, стыд перед собственным безжизненным сердцем, творческое созерцание как признак «бесплодной фантазии» и пр.

Современный кризис – это *кризис расколотого человека*. И чем раньше мы это поймем, тем лучше для нас.... Человек должен обрести в себе цельность. Он должен собрать распавшиеся части, разлетевшиеся органы своего духа, оживить их и воссоединить заново. Человеческий разум должен снова и снова пробиваться к вере, поборов в себе ложный стыд перед собственным сердцем. Мысль должна примириться с творческим и снова стать созерцательной, интуитивной, провидческой. Аутентичная фантазия должна пройти школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная, безудержная воля должна подчиниться совести и сердцу.... Тогда рассудок обретет способность к созерцанию и станет разумом, а созревающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. *Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль* – вот три великие силы грядущего, которым будут по плечу все проблемы бытия; они– то и создадут человека, обладающего *творческой цельностью*.

Заглянувший с надеждой в даль непременно прочтет над тесными воротами будущего простые слова: «Обрети в себе цельность!»).

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В РОССИЮ ¹

И.А.Ильин

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России.... Эта скорбь есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли **благие силы русского народа**, что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему, лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишаются этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы, и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге,

¹ Печатается по изданию: *Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи* / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993.